

менении к эпохе, когда специфические особенности языковой группы еще не были канонизированы литературной традицией и не получили еще теоретически обоснованного определения. Как я упоминал, научное отношение к данной проблеме хорошо сформулировал П. Скок: «Для лингвиста-ученого южнославянские диалекты составляют одно целое с местными вариациями, которые группируются географически и создают между собой переходы, нюансы большей или меньшей сродности».¹⁰³ Эти нюансы в языке даже древнейших болгарских и македонских памятников настолько ясны, что славистика их уже давно могла фиксировать как две особые группы среди «памятников юсового письма». И самые славянские азбуки — глаголица и кириллица — созданы на различной фонетической базе двух родственных, но все-таки различных языковых групп. Мне кажется, что в этом смысле различие болгарского и македонского имеет свое оправдание в общем стремлении всякого научного анализа к разграничению и уточнению смежных понятий, безотносительно к эмоциональным основам «лингвистического идолопоклонства» (по выражению П. Скока) в том или ином направлении.

Б. Конески в статье об Охридской литературной школе подчеркивает как ее особенности по отношению к Преславской — более длительное существование глаголической традиции и (на основе лексического материала) большую верность кирилло-мефодиевской традиции.¹⁰⁴ Что касается содержания памятников, возникших в данной школе, то мы не располагаем другими данными, кроме имен Мефодиевых учеников Климента и Наума и названий нескольких литературных произведений, связанных с этими именами. Возможно, что отдельные произведения, созданные в кругу Охридской школы, могли и не выйти в широкий свет, но значительно вероятнее предполагать, что все созданное здесь переходило и в Преслав. С одной стороны, нужно иметь в виду, что оба столпа Охридской школы — Климент и Наум — были детьми одной духовной семьи, непосредственными учениками Кирилла и Мефодия, и, конечно, они сами должны были заботиться о поддержании живых связей с братьями, которые выполняли ту же культурную миссию в восточных областях. С другой стороны, в эпоху Бориса и Симеона Великого Охридская область входила в состав его государства. Сами Климент и Наум первоначально трудились в Преславе, и оттуда Борис послал их на Запад, и потому этот князь, как и его наследник Симеон, в своих заботах о создании болгарской письменности не мог оставить без внимания литературные труды Климента и Наума. Кружок первых славянских литераторов и переводчиков не мог быть многочисленным, и возникновение каждого нового произведения требовало так много времени, что каждое из них должно было учитываться. Старославянский язык имел в это время значение общего «международного» культурного языка для всего славянства, и литературные памятники древнейшей эпохи должны были служить всем славянам.¹⁰⁵ Вероятно, каждое произведение, возникавшее в Охридской школе, сразу переписывалось кириллицей и для

¹⁰³ П. Скок. О бугарско језику у свијетлости балканистике. — Јужнословенски филолог, XII. Београд, 1933, стр. 91 и сл.; ср.: В. Мошин. 1) Македонско евангелие на поп Јована. Изд. Институт за македонски јазик. Стари текстови, I. Скопје, 1954, стр. 22—24; 2) Ђирилски рукописи Југославенске Академије, I. Загреб, 1955, стр. 9—10.

¹⁰⁴ Б. Конески. Охридска књижевна школа. «Слово», VI—VII — Вајсов зборник. Загреб, 1957, стр. 177—194.

¹⁰⁵ Ср.: Б. Ст. Ангелов. Кирилломефодиевото дело и идеята за славянско единство в старославянските литератури. — Славистичен сборник, II. София, 1958, стр. 41—49; I. Kurz. Cirkevňeslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní jazyk slovanů. — Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Prague, 1958, стр. 13—35.